

«ПРОЦЕДУРНЫЙ ВОПРОС»

Исключение А. И. Солженицына
из Союза писателей

4 ноября 1969 года Рязанская писательская организация пятым голосом исключила А. И. Солженицына из Союза писателей СССР. Писатель, «замечательный талант которого не оспаривают даже самые ярые его противники» (Твардовский, письмо Н. Федину, 1968 г.), был изгнан из «творческого союза», тем самым вновь (в который раз!) запятнав себя холуйским соучастием в преступлении антинародного режима. Этот позорный для Советского государства акт на том этапе явился своего рода итогом многолетней войны, в которой вся мощь тоталитарной системы оказалась бессильной перед стойкостью человека, убежденного, что за ним — правда.

Исключение состоялось 4 ноября, а уже на завтра секретариат правления Союза писателей РСФСР с молниеносной скоростью «утверждает» инспирированное им самим решение, чем и будет знаменит в истории русской культуры. Откуда такая спешка? Ответ очевиден: нужно постараться исключить присутствие Солженицына. Во-первых, при нем осуществить эту акцию было бы много труднее. Во-вторых, неизбежной стала бы широкая, скорее всего, мировая огласка хода заседания. Поэтому, хотя и вынуждены его пригласить, сделано это так, чтобы в максимальной степени затруднить его согласие. (Можно предположить, что, если бы Солженицын тем не менее согласился, заседание пришлось бы перенести и приложить усилия к тому, чтобы все равно провести его в отсутствие «обвиняемого».) Тем не менее этот неприятный «процедурный вопрос» не мог не всплыть на заседании...

Нижне публикуются выдержки из стенограммы заседания секретариата правления СП РСФСР 5 ноября 1969 г., ход которого до сих пор оставался тайной узкого круга прямых соучастников. Присутствовали председатель правления Л. Соболев, секретари правления СП РСФСР А. Барто, Д. Гранин, В. Закруткин, А. Кешоков, В. Панков, Л. Татьяничева, Ф. Таурин, В. Федоров, С. Ханников, В. Шакаев и три представителя ЦК КПСС, включая заместителя заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Ю. Мелентева.

Документ, обнаруженный А. Воздвиженской, полностью печатается в № 10 журнала «Октябрь» в составе архивной публикации «Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР, 1967—1970». Начало публикации в № 8, окончание — в № 11.

Ю. БУРТИН

Л. С. Соболев. Вчера в Рязанской писательской организации было проведено собрание, на котором присутствовал секретарь нашего правления Ф. Н. Таурин. Собрание было посвящено постановлению, принятому секретариатом правления СП СССР об усилении идеологической работы среди писателей и повышении бдительности по отношению к выезжающим за границу.

На данном собрании произошли явления, которые кончились тем, что Рязанское отделение вынесло решение об исключении А. И. Солженицына из числа членов Союза писателей. Сейчас наш секретариат СП РСФСР по конституции должен утвердить это решение (...).

Прежде чем предоставить слово желающим, хочу обратить внимание на одно обстоятельство. Порой приходится слышать такого рода пояснения: — Я не могу иметь суждения о судьбе писателя, так как не читал его произведений, а в опубликованных не вижу ничего антисоветского и антикоммунистического. Потому и не могу иметь суждения.

Но я хотел бы поставить вопрос в ином плане. Мне думается, если чуждый нам, враждебный, весьма сильный и умный лагерь пользуется произведением какого-то писателя, находя в его литературе что-то для себя драгоценное, то есть то, что может служить орудием антикоммунистической пропаганды в бою. Если нет этой «изюминки», то вряд ли это произведение может послужить поводом для того, чтобы прославить данного писателя и издавать в бесконечных количествах книжные тиражи и как-то пользоваться его книги (...).

Если говорить о нашем уставе, то прочтите тот пункт, в котором сказано о правах и обязанностях члена Союза. Там говорится о том, что самое главное — это идейная чистота. Вот об этом-то мы и поговорим. (...)

В. В. Шакаев. Поскольку зашла речь об уставе Союза писателей, разрешите мне прочесть пункт из этого устава. (Читает).

В связи с этим в Рязань была послана телеграмма с приглашением Солженицына на заседание сегодняш-

него секретариата. Сегодня утром заместитель секретаря партийного бюро Рязанской писательской организации тов. Левченко сообщил, что Солженицын присутствовать на заседании не может. Сказал он так: «Сегодня снегопад, поезд переполнен, и вообще за 24 часа я собраться не могу. После праздников я готов присутствовать на секретариате. Но сегодня я присутствовать не могу».

Л. С. Соболев. Возникает вопрос о правомочности нашего решения.

Ф. Н. Таурин. Может быть, мне доложить, как происходило вчера дело?

Мне представляется, что вчера все было проведено очень точно, четко, наша позиция была принципиально правильной. Все говорилось в глаза. Шел откровенный разговор. Все высказывались. И сам Солженицын отметил, что собрание проводилось согласно уставу, что никаких претензий у него к собранию нет.

Когда после ему было сообщено о сегодняшнем секретариате (в своем кругу можно не скрывать, что рязанское решение принято было в Москве и что стремительное его утверждение тоже назначено было заранее. — Ю. В.), то он ответил, что так быстро вряд ли он сможет приехать, что он просит дать ему несколько дней. Насколько его причины уважительны, я судить не могу. Он ссылаясь на то, что кто-то у него тяжело болен. Я не поставил себе задачи проверять эти причины. Мне кажется, что было бы значительно лучше во всех отношениях, если бы мы этот вопрос решили в его присутствии, иначе мы оставим большой повод для того, чтобы он мог оспаривать наше решение. Очень трудно доказать необходимость такого экстренного, спешного решения.

Собрание окончилось в 6 часов вечера. Прошли всего сутки после собрания в Рязани. Я не могу решать за секретариат, но я просил его приехать на наше заседание. Он сказал, что не отказывается, но в такой спешке и неопределенности он этого сделать не может, что ему не позволяет здоровье и прочее.

Поэтому я и считал бы, что следует отложить вопрос отложить, с

тем чтобы обсуждать его в присутствии Солженицына, чтобы не оставлять ему лазейку для обжалований.

В. Д. Федоров. А как записано в уставе? Что это может разбираться на всех уровнях? В отсутствие члена союза?

К. В. Воронков. В уставе прямо сказано, что член союза имеет право присутствовать при разборе его дела.

Л. К. Татьяничева. Ему было предоставлено это право, но он им не воспользовался.

Г. М. Марков. Его предупреждали, ставили в известность, так что затягивать обсуждение вопроса для секретариата СП РСФСР считаю нецелесообразным. Нельзя забывать, что Солженицын — фигура одиозная, вокруг него начинает много накручиваться, и важно, чтобы секретариат выразил свое отношение и свою точку зрения по горячим следам. Никаких нарушений здесь я не вижу.

Л. К. Татьяничева. Поддерживаю Г. М. Маркова. Стоит вопрос о подготовке к съезду, перед нами большая работа, съехались товарищи со всей России для участия в секретариате, и вызывать их повторно, откладывать это обсуждение нельзя.

Л. С. Соболев. Если мы перенесем секретариат, нам будет трудно в решении целого ряда вопросов.

Ф. Н. Таурин. Если в какой-то степени наше решение будет формально неправильным, поскольку он просил, чтобы вопрос решался при нем, то он напишет вам в секретариат СП СССР жалобу, и что может получиться: вы обяжете нас пересмотреть наше решение. Не попадем ли мы в глупое положение?

Г. М. Марков. Вопрос надо решать по-серьезному. Вопрос о Солженицыне созрел. Более того, вы все великолепно знаете, что партийная общественность, читатели, советская общественность давно задают этот вопрос. (...)

Решение Рязанской организации отвечает общему настроению в стране, в литературе, и с этим мы должны считаться. И теперь пойдет день за днем, а позиция Союза писателей

РСФСР не будет выяснена. (...) С точки зрения соблюдения законности мы сделали все. Что касается будущего, то я не буду предрешать. Мне кажется, что откладывать этот вопрос нельзя. (...)

В. К. Панков. По процедурным вопросам. Все условия устава соблюдены. Соблюдено то условие, что собрание в Рязани проходило в полном составе. Секретарей Союза писателей РСФСР вызвать не так просто в такой большой стране, как наша. Солженицын своевременно предупрежден. Рязань расположена в трех часах езды от Москвы, и казалось бы, не составляет затруднений приехать на такое заседание. Я считаю, что все условия, все законные требования соблюдены, и мы можем рассмотреть решение Рязанской организации. Мы можем рассматривать заявление Солженицына как нежелание присутствовать на данном секретариате. Я — за проведение обсуждения этого вопроса.

К. В. Воронков. Я считаю, что надо обсудить этот вопрос. Если бы я имел возможность, я вам напомнил бы историю всех так называемых отношений с Солженицыным. Они все время так строились. Мы все время его ждем, мы ему кланяемся. Хватит! (...)

Д. А. Гранин. Здесь правильно говорилось, что в его поведении много непонятного. Для меня также. И вопрос даже не в том, вправе мы или не вправе решать вопрос без него, но я просто хотел бы выслушать его, чтобы для себя самого решить этот вопрос.

Мне кажется, что если большой союз, обсуждая вопрос о его поведении, откладывал и ждал, то для нас, решая вопрос об исключении члена нашего Союза, это особенно важно.

В. А. Закруткин. Все-таки хотелось бы выслушать, как вел себя на рязанском собрании Солженицын (...)

Л. С. Соболев. Это мы услышим в процессе обсуждения вопроса, а к нему мы не приступали. Согласен ли секретариат начать обсуждение? Кто за это? Кто против? (Против — т. т. Гранин, Таурин, Барто.)

А. Л. Барто. Я также за то, чтобы обсуждать вопрос в присутствии Солженицына.

Л. С. Соболев. Большинство голосов решило начать обсуждение. (...)

Ф. Н. Таурин. (...) Решение состоялось. После этого попросили его приехать на секретариат. Он сказал, что считает такую поспешность непонятной, что по ряду причин семейного порядка приехать не сможет, но он желал бы присутствовать на секретариате при разборе этого дела.

Я еще раз попросил его приехать, объяснив ему, что другой раз будет очень трудно собрать такой расши-

ренный секретариат, так как не все москвичи, а много приезжих. Я просил это учесть, что на этом заседании будут представлены все секретари, но он ответил, что приехать он не сможет, и на этом наш разговор закончился. (...)

В. Д. Федоров. Ваше впечатление от разговора с ним? От его поведения? Что это — скорее желание вернуться?

Ф. Н. Таурин. Судить об этом трудно. Я почувствовал, что ему хотелось быть на нашем заседании секретариата, рассказать о своей позиции, почему я и голосовал за то, чтобы обсуждение отложить. Считаю, что для нас это было бы выгоднее, так как сняло бы всякие возможности для него спекулировать этим делом. (...)

Д. А. Гранин. Я читал его опубликованные вещи. Из неопубликованных вещей читал «Раковый корпус». Я не могу сказать, что эта вещь антисоветская, хотя в «Раковом корпусе» есть какие-то определенные идейные и художественные изъяны. Но я не могу обвинить его в том, что это антисоветский писатель. Речь идет о его взглядах, случайных или не случайных.

Мне кажется поэтому, что наша торопливость, это наше, в общем, какое-то опасение, не очень мужественное, встретиться с Солженицыным, задать ему эти вопросы, послушать его ответы, поговорить с ним, нельзя считать правомерным.

Все-таки исключение из Союза писателей предполагает для каждого из нас такой политический приговор, перед которым каждый должен остановиться, в общем, в каком-то раздумье, каждый здравомыслящий человек, воспитанный в нашем обществе. Солженицын воевал, он солдат, защищал свою Родину, и не могу представить себе, чтобы эта его военная биография и единодушное мнение о нем его товарищей не нашли отклика в его душе.

Для меня много непонятного во всем этом деле, много непонятного в его фигуре, и потому мне кажется неправильным и я считаю, что политическим проигрышем будет принять эту крайнюю меру без того, чтобы встретиться и поговорить с Солженицыным.

И я не очень понимаю, почему через несколько часов после вчерашнего его исключения из Союза местной организацией надо санкционировать это исключение.

Г. М. Марков. Потому что он стал уже фигурой политической.

Д. А. Гранин. Тогда тем более.

Г. М. Марков. И отсутствие нашей оценки в этом деле также становится фактом политическим. В любом дру-

гом случае нечего было бы спешить, а у нас имеются на это основания.

Д. А. Гранин. Мы ждали два года и можем, как мне кажется, подождать один-два дня, чтобы решить вопрос об исключении члена Союза в его присутствии. Мы часто доходим до больших политических убытков в деятельности Союза писателей. (...)

Мне кажется, что отложить решение вопроса об исключении Солженицына до его приезда было бы правильнее. По крайней мере я (...) сегодня не могу голосовать за его исключение из членов СП. И еще раз прошу секретариат не устраивать здесь излишней спешки и дать возможность нам открыто и откровенно раз и навсегда поговорить с Солженицыным. Для него, может быть, решение Рязанской организации уже что-то означает.

Л. С. Соболев. Высказались все. Я не буду говорить долго. В общем, итог обсуждения сводится к тому, что из присутствующих все, за исключением одного секретаря, за утверждение решения Рязанской организации. (...)

Д. А. Гранин. Некрасиво делать такие вещи заочно.

Л. К. Татьяничева. А красиво так поступать годами?

Л. С. Соболев. Прошло два с половиной года. Давайте прямо спросим: неужели если с вами произошла бы такая история, вам сказали — срочный вопрос, а вы бы ответили: завтра я иду на балет «Вахтисарайский фонтан» и приехать не могу. Это же отговорка. Если бы мне сказали, что у меня отбирают союзный билет, да я пешком прибежал бы из Рязани.

Д. А. Гранин. Некрасиво то, что он не пришел, но некрасиво и то, что мы не сразились с ним. (...)

Г. М. Марков. Вопрос ясен: формулу Д. А. Гранина относительно того, что некрасиво, я не принимаю.

Л. С. Соболев. И я тоже не принимаю.

Г. М. Марков. Мы высказали мнение и правомочны принять решение. (...)

Л. С. Соболев. Предлагается следующая формулировка нашего решения: «Утвердить решение Рязанской писательской организации об исключении литератора Солженицына А. И. из членов Союза писателей СССР».

Голосуем за второй короткий вариант. Кто за это предложение? Прошу секретарей голосовать. Кто против? (Против нет.) Кто воздержался? (Один воздержался) — Д. Гранин.

Итак, с этим вопросом покончено.

Публикация
А. ВОЗДВИЖЕНСКОЙ